

играют иносказательность, весомы детали и важны философские обобщения. Размышления о смысле жизни переплетаются с тревожными мыслями о судьбе матери-Земли («Знайте цену тепла», «И у тишины есть голос» и т. д.).

Нэсеры Р. Ханнанова отличаются напряженной внутренней динамикой. Для них характерны тематическая широта, иносказательность и намеки, поучительность. Проблема добра и зла в них неразрывно связана с понятием гуманизма и справедливости («Восхождение на вершину», «Памятник», «Любовь к жизни» и т. п.).

От полифункциональной дидактической литературы Средних веков до современных высокохудожественных произведений малые жанры башкирской литературы прошли длительный и сложный путь формирования и развития. Из литературы синкретического характера развились самостоятельные жанры, имеющие свои характерные особенности, стиль, средства изображения. Начиная с XIX в. и особенно после Октябрьской революции в истории башкирской литературы наблюдается синтез национальных и европейских эпических форм. Малые жанры современной башкирской прозы находятся в постоянном движении и поиске. Они составляют целостную эстетическую систему, в которой есть жанровое ядро (рассказ, нэсер, новелла, парса), вокруг которого идет процесс формирования новых и отрицания старых жанровых форм [см.: 1].

Литература

1. *Абдрафикова Г. Х.* Малые жанры башкирской прозы (природа жанра, пути развития, современное состояние). Уфа, 2005. (На башк. яз.).
2. *Вахитов А. Х.* Жанр и стиль в башкирской прозе. Уфа, 1982.

В. М. Ванюшев

Ижевск

Развенчание увенчанного. О публикациях Д. М. Сахарных, посвященных стихотворению «Чагыр, чагыр дыдыке...» («Сизый, сизый голубочек...») Г. Е. Верещагина

Начиная с 2005 г. Д. М. Сахарных — ныне сотрудник Института повышения квалификации и переподготовки работников образования Удмуртии — опровергает суждения известных ученых о том, что стихотворение «Чагыр, чагыр дыдыке...» («Сизый, сизый голубочек...»), написанное на удмуртском языке и опубликованное первым удмуртским ученым и писателем Г. Е. Верещагиным (1851–1930) в авторском переводе на русский язык внутри этнографического повествования под видом народной песни [2, с. 44–45], принадлежит самому

Верещагину. Первой публикацией Сахарных на эту тему были тезисы студенческого доклада [см.: 8]; затем, в целом повторяя свой текст и иногда добавляя будто бы новые данные в доказательство своей правоты (набирая, очевидно, «научную» известность¹), он публикует еще как минимум четыре статьи (некоторые в печатном, некоторые — в электронном вариантах) [см.: 9–12].

Почему же, по мнению Д. М. Сахарных, автором стихотворения «Чагыр, чагыр дыдыке...» Г. Е. Верещагин не является?

Во-первых, как утверждает Сахарных, такого мнения придерживаются удмуртские исследователи А. Г. Шкляев и Р. Ш. Насибуллин, в ходе литературных дискуссий 1989 г. заявлявшие, что это не авторское, а чисто фольклорное произведение, поскольку во время экспедиций последних лет часто приходилось фиксировать исполнение этой удмуртской колыбельной песни информантами. Однако Сахарных не учитывает, что с тех пор прошло полтора десятилетия и мнения названных ученых в результате полученных новых научных данных могли кардинально измениться.

Во-вторых, с точки зрения Сахарных не права Т. Г. Владыкина, подвергшая фольклористическому исследованию народное исполнение этой песни и пришедшая к выводу, что это не поливариантный, фольклорный, а канонизированный, письменный текст, так широко распространенный в народе благодаря многократному исполнению, сознательной популяризации жанра колыбельной песни среди удмуртского населения талантливым поэтом, фольклористом и педагогом Куземаем Гердом. Текст этот, как указывал К. Герд, взят из сочинений Верещагина [5]. Говоря о сочетании северных и южных песенных традиций удмуртов в данном стихотворении, что, по мнению Владыкиной, свидетельствует не о традиционном фольклорном характере этого стихотворения, а о каноническом, присущем авторскому произведению, Сахарных победительно иронизирует:

Тезис о специфически североудмуртских образах (в пользу авторства Верещагина. — *В. В.*), конечно (курсив наш. — *В. В.*), далеко не очевиден, ведь в стихотворении речь идет о том, как мать ухаживает за ребенком, мечтает о том, как ее дитя повзрослеет, пойдет в лес рубить дрова и т. д., между тем рожают детей, рубят лес и кушают табани как северные, так и южные удмурты, и делают это приблизительно одним и тем же способом [10, с. 53].

Однако торжествовать оппонент Владыкиной, как видно, поторопился. Возможно, Сахарных, не имеющему специального филологического образования, даже простительно непонимание разницы между образами реальной жизни, отображаемой в стихотворном тексте (представления матери о будущей жизни ребенка, о чем напоминает здесь Сахарных), и характерными фольклорными

¹ В интернете выложена копия сертификата, свидетельствующего о том, что Сахарных Денис Михайлович является одним из 14 394 участников интернет-энциклопедии «Выдающиеся ученые России». Но в то же время известно, что для получения подобного сертификата, наградного знака и удостоверения вносится плата в сумме 3300 руб. (URL: <http://www.famous-scientists.ru/certification/3088/>).

образами, составляющими стилевую структуру произведения (напр., «Вырастешь большой, возьмешь топор, принесешь дров» — северная традиция и «Мать принесет молока, отец принесет беличьего мяса» — южная традиция), о которых и идет речь в рассуждениях Т. Г. Владыкиной. Но в таком случае зачем же преподавателю-историку делать заключения, не относимые к области его профессиональной деятельности?..

Д. М. Сахарных попадает впросак и со следующим категоричным заявлением:

Владыкина говорит, что «Чагыр, чагыр дыдыке» на севере все равно является пришлой песней, поскольку на севере ее поют так, что «в исполнительской манере видна заученность, что характерно для авторской песни...». Здесь мы имеем дело, — заявляет Сахарных с прокурорской прямоотой и жесткостью, — с *намеренным введением читателей в заблуждение* (курсив наш. — В. В.). Ведь в данном случае речь идет о записях, сделанных, как можно подумать, в северных районах Удмуртии. Владыкина ссылается на материалы фольклорной экспедиции 1986 г. к удмуртам Ватка и Калмез Унинского р-на Кировской обл.! И понятно, что как раз для этих удмуртов, оторванных от общего этнического массива, «Чагыр, чагыр дыдыке» действительно является пришлым [10, с. 54].

Обвинителю следовало хотя бы посмотреть на карту Удмуртии и Кировской области, прежде чем вынести такой приговор одному из ведущих фольклористов не только Удмуртии, но и всего финно-угорского мира России. Но для «разоблачителя», конечно, тем почетнее, чем больший авторитет подпадает под его «критику». Между тем известно, что локальные фольклорные традиции формируются и делятся не по административным границам, которых, надо заметить, в пору формирования данных традиций между нынешней Удмуртией и нынешней Кировской областью не было, а по территории проживания людей. Нынешний Унинский район непосредственно примыкает к территории нынешней Удмуртии, по фольклорно-этнографическим признакам унинские удмурты и есть часть северных и срединных удмуртов.

Таким образом, стремление Д. М. Сахарных утвердить свою идею фикс с помощью обвинения Т. Г. Владыкиной в нелогичности и лжи построено на филологической безграмотности и неуклюжей попытке подтасовки фактов.

Подобные качества выявляются и в его «поправках» суждений венгерского исследователя П. Домокоша, основателя мировой литературной финно-угристики, автора множества работ о словесной культуре удмуртов, в частности «Истории удмуртской литературы» [6]. П. Домокош не участвовал в дискуссиях на тему, принадлежит ли этот текст Верещагину, он это авторство принимал безусловно. Венгерский ученый подчеркивал мысль о том, что письменная национальная литература начинается, с одной стороны, с этнографического обозначения изображаемого мира, с другой — с опорой на эстетическое богатство народа, что подтверждается и подробным исследованием всего многогранного творчества Г. Е. Верещагина.

Далее, в-третьих, вот еще одно «доказательство» Сахарных, почему «Чагыр, чагыр дыдыке...» не принадлежит перу Верещагина: «Показательно, что Домокош не видит никаких существенных признаков авторского происхождения “Чагыр, чагыр дыдыке”», — категорично и преднамеренно ложно утверждает Сахарных. При этом он приводит «спасительную» цитату из книги П. Домокоша в подтверждение своей правоты: «След руки ученого и поэта (помимо точного ритма и рифмования) можно увидеть разве что в употреблении, причем последовательном, деепричастий». После некоторых путаных размышлений по поводу этой цитаты (дескать, введение деепричастий и точной ритмики, рифмовки еще не дает право называть Верещагина автором) Сахарных вновь повторяет: «...признаков авторской обработки текста “Чагыр, чагыр дыдыке” Домокош вовсе не обнаружил», выворачивая наизнанку размышления венгерского финно-угроведа. П. Домокош пишет не об обработке текста «Чагыр, чагыр дыдыке...», он не обработан, он *создан* Верещагиным, а о литературной, поэтической обработке им *этнографически-фольклорного, народного материала*. В том же месте, откуда выдернута цитата, П. Домокош пишет:

По мнению Верещагина, колыбельная песня в удмуртском фольклоре — явление редкое, плачущего ребенка мать баюкает такими словами: «голубчик, золотце мое, сокровище!» (*«дыдыке, зарние, мусое!»*) и только иногда спрашивает «Почему плачешь?» (*«Малы б́рдръськод?»*).

И далее следуют слова венгерского ученого, которые четко разоблачают ложь Сахарных:

Из этого очень незначительного материала он создал прекрасную песню, поместив в фольклор отсутствующий и вообще неизвестный до этого жанр [6, с. 182–183].

Д. М. Сахарных приходится притворно закрывать глаза на довольно обширный текст, из которого и выдернул он цитату и в котором Домокош убедительно развивает свои мысли. «Языковые средства стихотворения очень просты, почти примитивны, однако у Верещагина они становятся подлинной поэзией», — пишет венгерский ученый и приступает к анализу сознательного выстраивания строфической структуры произведения удмуртским поэтом: «Первая и последняя строфы тождественны, содержат два обращения и два вопроса, и не только композиция параллельна, но и опорные слова повторяются... Строфы, состоящие из простых повествовательных предложений или из сложносочиненных предложений, соединяют рифмы окончаний, и след руки ученого и поэта (помимо точного ритма и рифмования) можно увидеть разве что в употреблении, причем в последовательном, деепричастий» [6, с. 182]. Сахарных очень понравилась не совсем понятная по переводу оговорка «разве только» Домокоша, он ухватился за нее, искажая логику подхода к стихотворению со стороны венгерского ученого. Между тем Домокош продолжал демонстрировать «след руки» ученого и поэта в созидании стихотворения:

Строфы создают то обрамление, которое намекает на подлинную обстановку, на плачущего ребенка, на мать, суетящуюся около него, они объединяют те три периода крестьянской (и вообще человеческой) жизни, которые представляют нам идущего утром с песней на работу мужчину, образ женщины, ожидающей с ужином сильно уставшего на работе мужа, уютную семейную картину скромного, но вкусного и заслуженного в тяжелом труде ужина. Изображение удмуртского быта полное, а помазанные маслом табани и медовуха — характерные явления удмуртской жизни [6, с. 182].

В интерпретации П. Домокоша стихотворение, состоящее из двадцати строк, предстает как широкое эпическое полотно, вмещающее в себя картины самых значительных сторон жизни удмуртской трудовой семьи. Выделяя ряд признаков национального в нем, он видит и значительное обобщение в плане общечеловеческого. Произведение, пишет он, является *образцом выражения* материнской любви, заботы, мечтаний, вызывает зримые черты ласкающей своего ребенка вечной женщины [6, с. 181–182]. Это ли не признание венгерским ученым блестящего выполнения, подчеркнем, *Г. Е. Верещагиным* задачи создания литературного произведения на основе небольших, но глубоких, емких народных образов? Попытка Д. М. Сахарных опровергнуть такое признание основана, как видно, лишь на субъективном страстном желании, исполненном с помощью подмены понятий, выдергивания цитаты и сознательной ложной интерпретации ее.

Но есть в притязаниях Сахарных еще и «в-четвертых»: «существенное обстоятельство, которое позволяет *напрямую отклонить версию об авторстве Верещагина*» (курсив наш. — *В. В.*), а именно: «в момент написания книги (“Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии”. — *В. В.*) он удмуртского языка не знал, или знал его чрезвычайно плохо» [10, с. 54], следовательно, создать вошедшую в нее песню «Чагыр, чагыр дыдыке...» на удмуртском языке он не мог. И конечно, у Сахарных есть «убедительные доводы» — некоторые издательские недоразумения в одной из публикаций Верещагина [10, с. 54].

Вырос Григорий Егорович Верещагин в удмуртско-русском селе Полом в северной части нынешней Удмуртии, общался и с русскими и с удмуртскими детьми. Владел, как и многие другие жители села, и тем и другим языком. Впоследствии в этнографическом очерке «Остатки язычества у вотяков» сам писал о том, как он в открытой им в 1887 г. земской школе в удмуртской деревне Ляльшур из-за незнания русского языка детьми, вопреки указаниям сверху, учил их на родном, удмуртском языке [см.: 4]. Зафиксированы и воспоминания старожилов деревни об этом, а также о том, как он, организовав воскресную школу, проводил беседы с мужиками по самым насущным для них вопросам, тоже, конечно, на их родном, удмуртском языке. «Не склоняйте голову, ничего не бойтесь, ходите с приподнятой головой, расправив плечи. Вы такие же люди, как и русские и любые другие. Ходите по земле свободно и спокойно» [цит. по: 7, с. 49], — учил он своих слушателей. Это было как раз в то время, когда создавалась и этнографическая монография «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии», куда вошло стихотворение, о котором мы ведем сейчас речь.

Не только разговаривал, но и писал в то время учитель Верещагин на удмуртском языке. Литературоведами и педагогами опубликовано немало материалов о том, что именно в эти годы, чтобы легче было познакомить удмуртских детей с творчеством великого русского поэта А. С. Пушкина, он взялся за перевод на их родной язык поэмы-сказки «Золотая рыбка» [см., напр.: 13]. Литературоведы и фольклористы отмечают великолепный народный язык северного наречия удмуртов в этом вольном переводе, приобретшем убедительные черты оригинального произведения по мотивам сказки Пушкина [1]. Таким образом, уже в те времена он был в числе первых, кто активно формировал удмуртский письменный, литературный язык. Мало того, Г. Е. Верещагин был одним из тех, кто определял, каким путем следует идти в книгоиздании на удмуртском языке, предложил даже свою систему обозначения специфических удмуртских звуков на письме [см.: 3].

Верещагин якобы не знал удмуртского языка! Странно, что, берясь за развенчание первого удмуртского ученого и писателя, Сахарных не попытался узнать о нем получше. Или для читателей он только делал вид, что не знает? И тут «кривил пером»?

В последней публикации Д. М. Сахарных решил уже совсем оторвать «Чагыр, чагыр дыдыке...» от удмуртских традиций. Убедительная демонстрация возникновения под пером Г. Е. Верещагина поистине эпического образа народной жизни на основе небольшого, но емкого фольклорного материала, проделанная П. Домокошем, для Д. М. Сахарных «не существует». Да, признает он, стихотворение в самом деле замечательное. Но разве удмурты могут создать такое? Ниспровергательно, по-видимому, ничего не остается, кроме как довести свою линию «доказательств» до абсурда. «Верещагину действительно повезло столкнуться с уникальным случаем исполнения песни, созданной по мотивам, или, может быть, в результате перевода какой-то *русской* (курсив автора. — В. В.) колыбельной» [10, с. 54–55], — пишет он, подчеркивая другую национальную принадлежность происхождения песни «Чагыр, чагыр дыдыке...». При этом Д. М. Сахарных противоречит сам себе. Если первоначально стихотворный текст был на русском языке, то кто же так великолепно, причем в традициях удмуртского фольклора и этнографии, «обработал», перевел его на удмуртский язык? Верещагин? Нет, конечно! Такой мысли допустить Сахарных не может. Или рядом с ним был еще какой-то другой талантливый удмуртский писатель, который и «подкинул» Верещагину эту песню-стихотворение? Но кто же это? Для истории литературы это очень важно. Сахарных пишет: «Знатоки *русского фольклора* должны (курсив наш. — В. В.) попытаться найти то произведение, благодаря которому появилось на свет стихотворение и песня “Чагыр, чагыр дыдыке”» [10, с. 55]. Однако «знатоки фольклора» могут сказать: пусть ищет сам Денис Михайлович! «Для современных фольклористов непреложен постулат о бесплодности поисков инварианта, некоего совершенного текста, давшего жизнь различным вариантам (лучшим или худшим). Жизнь фольклорного произведения — жизнь десятков, а то и сотен вариантов» [5, с. 136]. И фольклорный материал сам по себе литературным произведением стать не может. Они отличаются между собой прежде

всего по своему стилю, художественной структуре и, как правило, по целевой, идейно-эмоциональной направленности. Для создания литературного произведения на фольклорной основе нужен писатель.

Читаешь эти публикации Сахарных, и неотступно созревает мысль: что питает подобную его страсть оторвать данное стихотворение от имени Г. Е. Верещагина и вообще от удмуртской национальной культуры? Уж не ксенофобия ли?

Одну из статей этой серии Сахарных начинает рассуждениями о том, что «Чагыр, чагыр дыдыке...», это интересное, значительное произведение, является своего рода брендом, символом Удмуртии [12, с. 397]. И всем ходом назойливых публикаций пытается навязать мысль: Удмуртии, но не удмуртов! В одной из этих публикаций он открыто выражает свою неприязнь к представителям удмуртской интеллигенции. Упрекая своего единомышленника, пытавшегося доказать, что Г. Е. Верещагин не является удмуртом, но назвавшего его удмуртско-русским «бикультуралом», в некоторой непоследовательности в споре с удмуртскими исследователями, он пишет:

Представляется любопытным, почему же Шумилов, неоднократно вступавший с представителями удмуртской интеллигенции в скандальную, доходившую до судебных разбирательств полемику, на сей раз был вынужден приписывать Верещагину «двойственность» —

и далее:

Едва ли его *бездействие* (здесь и далее в цитате курсив наш. — В. В.) может быть объяснено желанием отыскать компромиссное решение и сохранить мир в рядах верещагиноведов: *нападки* на удмуртских ученых — исследователей творчества и биографии о. Григория на страницах упомянутой выше монографии («Православная Удмуртия». — В. В.) и других сочинений Шумилова отнюдь *не редкость*, между тем как развитие темы, связанной с «шумиловской цитатой», безусловно, не могло не дать повода к *очередному наступлению* на оппонентов [12, с. 398].

Так или иначе, эта страсть Д. М. Сахарных питается не поисками истины — с помощью сознательных ухищрений и подтасовок истину не утверждают.

Литература

1. Ванюшев В. М. «Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина и поэма «Зарни чорыг» («Золотая рыбка») Г. Е. Верещагина // Ванюшев В. М. Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья : моногр. Ижевск, 1995. С. 206–229.
2. Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1889. Т. 14. Вып. 3.
3. Верещагин Г. Е. О книгах на вятском языке. Вятка, 1895.
4. Верещагин Г. Е. Остатки язычества у вотяков. Вятка, 1895.
5. Владыкина Т. Г. «Чагыр, чагыр дыдыке...»: опыт фольклористического прочтения // Дооктябрьские истоки межлитературной общности Урало-Поволжья / сост. и отв. ред. В. М. Ванюшев. Ижевск, 1991. С. 135–141.

6. *Домокош П. Г.* Верещагин // Домокош П. История удмуртской литературы : моногр. / пер. с венг. В. Васовчик. Ижевск, 1993. С. 180–184.
7. *Куклина Е. М. Г. Е.* Верещагин в деревне Ляльшур // Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья / сост. и отв. ред. В. М. Ванюшев. Ижевск, 2004. С. 47–50.
8. *Сахарных Д. М.* Был ли Григорий Верещагин автором стихотворения «Чагыр, чагыр дыдыке»? // Тезисы докладов XXXIII итоговой студ. науч. конф. УдГУ. Ижевск, 2005. С. 97–99.
9. *Сахарных Д. М.* Об авторстве «первого удмуртского стихотворения» // Вестник Евразии — Acta Eurasika [Электронный ресурс]. URL: http://www.eavest.ru/magasin/artikelen/sma_sah.htm (дата обращения: 12.03.2015).
10. *Сахарных Д. М.* Об авторстве «первого удмуртского стихотворения» // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. М., 2010. № 2. С. 52–55.
11. *Сахарных Д. М.* Об авторстве «первого удмуртского стихотворения» // «Удмурт кыл» [Электронный ресурс]. URL: <http://files.udmurt.info/1udm-stikh.pdf> (дата обращения: 12.03.2015).
12. *Сахарных Д. М.* «Шумиловская цитата»: к биографии Григория Верещагина // Демидовские чтения на Урале : тез. докл. Екатеринбург, 2006. С. 397–398.
13. *Тукаев И. П. Г. Е.* Верещагинлэн калыкез югдытон но нылпиосты дышетон сярысь малпанъёсыз [Мысли Г. Е. Верещагина о просвещении народа и обучении детей] // Верещагин Г. Е. Чагыр, чагыр дыдыке. Ижевск, 1984. С. 78–90. (На удм. яз.).

Д. В. Ларкович

Сургут

Ближние и дальние контексты повести Т. Г. Шевченко «Капитанша»

«Капитанша» — одна из девяти дошедших до нас так называемых «русских повестей», созданных Т. Г. Шевченко в Новопетровском укреплении, последнем месте пребывания поэта периода Оренбургской ссылки. Согласно авторским пометам на страницах рукописи, работа по ее созданию продолжалась с 15 марта по начало июня 1855 г. [9, т. 3, с. 451], и, не будучи напечатанной при жизни автора, повесть была опубликована впервые лишь в 1887 г. в журнале «Киевская старина» (1887, № 4, с. 589–625; № 5, с. 1–25).

Подобно другим шевченковским повестям, «Капитанша» имеет существенные автобиографические основания. Так, комментируя приведенные в тексте датировку основных событий и маршрут передвижения повествователя, И. Я. Айзеншток отмечает:

В «Капитанше» Шевченко использовал — по обыкновению, очень точно — свои воспоминания о былых поездках по Украине. <...> И самая дата и маршрут соответствуют